

ИЗ ПОЛЕМИКИ 1830-х гг. ВОКРУГ ПАНСЛАВЯНСКОЙ ИДЕИ

(Князь П. Б. Козловский против графа Адама Гуровского)

8 сентября 1834 г. в аугсбургской «Allgemeine Zeitung», входившей в число самых влиятельных газет на континенте, появилось открытое письмо графа Адама Гуровского. Один из застрельщиков и идеологов восстания 1830–1831 гг. (инициатор акта о детронизации Романовых с польского престола), непосредственный участник военной кампании, получивший орден за сражение с русской армией под Гроховом, заметная фигура в сообществе эмигрантов, нашедших прибежище во Франции, — Гуровский объявил о том, что готов принять амнистию и перейти на службу Российской империи. Через два с половиной месяца, около 20 ноября 1834 г., увидела свет его брошюра «Правда о России и о восстании в польских провинциях» («La vérité sur la Russie et sur la révolte des provinces polonaises»), где было представлено развернутое обоснование пережитой им смены убеждений и жизненного курса. Логика автора укладывается в следующую схему.

Презумпция:

«Для развития рода человеческого потребны не малые национальности, но великие Государства; не разделы и раздробления приносят плоды благотворные и долговечные, но единение и централизация. В любых обстоятельствах та власть, которая умеет подчинять себе индивидов, пусть даже причиняя им боль, действует в согласии с одним из величайших законов творения.

Чтобы достигнуть великих результатов, потребны средства мощные и энергические; чтобы сообщить жизненную силу всему стволу, зачастую приносят в жертву отдельные ветви»¹.

Интерпретация взаимоотношений двух сопредельных наций под этим углом зрения:

---

¹ La vérité sur la Russie et sur la révolte des Provinces Polonaises / Par Adam comte Gurowski. Paris, 1834. P. 6–7. Далее ссылки на это издание даются в тексте после цитаты.

«Лишь только два государства, Россия и Польша, явились на исторической сцене, главным сделался один единственный вопрос: кому из них суждено встать во главе Империи, объединяющей все народы славянские. Быть может, сами не вполне сознавая, оба народа исключительно тем и занимались, что искали ответ на этот вопрос.

Вот роковой источник всех войн между Россией и Польшей; начиная с XVI века победа в этой схватке стала для обеих делом жизни и смерти политической.

С этого времени Россия стремилась сделаться державой могущественной и влиятельной, представляющей всю Славонию [Slavonie] на европейской сцене. На пути ее встала Польша; Россия почувствовала, что для нее жизненно важно поглотить эту страну и таким образом сделать более непосредственными свои сношения с Западом. Провидение ей споспешествовало. Польша, никогда не умевшая добиться главенства политического, обречена была уступить державе, каждый шаг которой доказывал ее притягательную силу и способность объединять славян вокруг себя.

<...> Существовать бок о бок две эти национальности не могли; мирное их сожительство сделалось бы исключением чудовищным и неслыханным в истории. Славония нуждается в единстве; ей потребны одна глава, один дом, одно направление, одна воля. Нынче этот внутренний вопрос решен окончательно» (Р. 2–5).

Вытекающий отсюда отказ от польской идентичности в пользу общеславянской (=имперской):

«<...> [Я] знаю твердо, что политическое существование Польши есть вещь решительно невозможная <...>. Верный происхождению моему, я желаю стать подданным могущественного государства славонского. Сегодня я рассматриваю отношения Польши к России как отношения провинции к целому государству и не могу помыслить без ужаса о каком бы то ни было федерализме, о каком бы то ни было раздроблении земель или национальностей (ибо я предпочитаю слаженность разладу). Не веря в возможность существования части вне целого, а именно такую часть представляет собою Польша, — я желал бы вечно считать отечеством своим то воплощение единого славянского мира, каким является Россия; с нею связано для меня отныне благополучие всех братьев, с которыми роднит меня общее происхождение, в том числе и обитателей провинции, в коей появился я на свет.

<...> Подданный государства могущественного горд тем значением, какое сообщает ему правительство этого госу-

дарства; лучше жить в просторном доме, нежели в жалкой хижине. Я рожден в Польше, значит, я принадлежу Славонии; Россия этот мир представляет и воплощает, она — его сердце, его душа» (Р. 78).

Брошюра 1834 г., которая в кругах «Великой эмиграции» снискала Гуровскому репутацию ренегата польского дела², давно уже рассматривается в научной литературе в качестве одного из ранних манифестов панславизма³. Именно в таком ключе дана ее трактовка и в неопубликованных «Замечаниях на брошюру графа Гуровского» («Observations sur la brochure du comte Gurowski»), принадлежащих перу князя П. Б. Козловского⁴.

«Правду о России...» Козловский прочитал в Варшаве, куда приехал в ноябре 1834 г., направляясь из Франции в Петербург. «Архивный юноша» начала XIX в., друг молодости старших братьев Тургеневых и Жуковского, затем карьерный дипломат, он отсутствовал в России более двадцати лет — с октября 1812 г., когда был назначен полномочным министром при Сардинском дворе. В 1819 г., заняв аналогичную должность при дворах Вюртембергском и Баденском, Козловский представил по начальству записку, защищавшую конституционное устройство южнонемецких земель; она встретила неблагосклонный прием, и в сентябре 1820 г. автор получил указ об отставке. С тех пор он жил в Европе (Австрия, Англия, Франция, Германия, Швейцария, снова Англия, Германия и Франция), порицая, по временам в очень резкой форме, государственное устройство России и нравы своих соотечественников, но вместе с тем не оставляя попыток вернуться в дипломатическую службу, к чему побуждали его как недостаток средств, так и неудовлетворенное честолюбие⁵.

² См.: *Stasik F. Adam Gurowski, 1805–1866. Warszawa, 1977. S. 139–141.*

³ См.: *Fadner F. Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: Karazin to Danilevskii, 1800–1870. Georgetown, 1962. P. 34–35; Walicki A. Russia, Poland, and Universal Regeneration: Studies on Russian and Polish Thought of the Romanic Epoch. Notre Dame; London, 1991. P. 160–165; Глембоцкий Х. Граф Адам Гуровский (1805–1866) и миссия Российской империи: Метаморфозы политического радикализма // *Ab Imperio. 2009. № 2. С. 135–136.**

⁴ Сводку биобиблиографических данных о нем (уже неполную) см. в нашей статье в кн.: *Русские писатели: 1800–1817: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 9–11; дополнения — в кн.: Козловский П. Б. Социальная диорама Парижа, сочинение чужестранца, проведенного в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года / Перевод В. А. Мильчиной; публикация и коммент. В. А. Мильчиной и А. Л. Осповата. М., 1997.*

⁵ Веским доводом в пользу возвращения на родину мог послужить и указ от 17 апреля 1834 г., воспрещавший русским дворянам находиться за границей более пяти лет.

В Варшаве, где из-за тяжелой травмы Козловский провел целый год, он сблизился с фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем. В окружении наместника Царства Польского брошюра Гуровского несомненно стала предметом живейшего обсуждения, и можно предположить, что письменный отклик Козловского, закрепляя точку зрения, уже высказанную в устных дискуссиях, предназначался в том числе для сведения Паскевича⁶. В рукописном оригинале отсутствует дата, и мы ограничимся указанием на *terminus post quem* и *terminus ante quem*: в начале декабря 1834 г. произошло, по всей вероятности, знакомство Козловского с парижской новинкой; в начале июля 1835 г. Гуровский, получивший право на жительство в империи, уже въехал на территорию Царства Польского⁷, исполнив тем самым пожелание, содержащееся в заключительном абзаце «Замечаний».

Перевод «Замечаний на брошюру графа Гуровского» сделан по тексту автографа (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 3. № 47. Л. 46–47 об.). В интересах дела русский текст публикуется с разбивкой на несколько фрагментов, условные номера которых отсылают к соответствующим подглавкам помещенного ниже комментария.

«[I] Трудно отыскать брошюру более эксцентрическую, нежели та, о какой пойдет речь. Странно уже то, что в заглавии автор обещает повести речь о восстании польских провинций, меж тем в самом сочинении о том не говорится ни слова. Излюбленная идея автора, повторяющаяся в брошюре на разные лады, а нередко даже в одних и тех же выражениях, заимствована, без сомнения, у господ Рылеева, Пестеля и прочих, кои в злополучных мечтах своих изобрели тот союз славянских племен, о котором печется граф Гуровский. Вот беда всех сочинителей, которые берутся рассуждать о политике, не имея никакого опыта в делах дипломатических, — они воображают, будто державы можно перекраивать, как фракки, и распоряжаются грядущей участью народов, не видя ни на нынешнее их положение, ни на их историю. Мы знаем ту Славонию⁸, которая обозначена на карте, но не можем взять в толк, что разумеет под Славонией и славонцами автор, и не можем назвать ни одной эпохи в истории, когда бы существовал союз тех народов, коих автор именует славонцами.

⁶ Козловский, разумеется, не рассчитывал опубликовать свой отклик в России — в противном случае он писал бы на родном языке и воздержался бы от упоминания имен казненных декабристов (см. ниже). Что же касается французской прессы, то единственная выявленная до сих пор рецензия на брошюру Гуровского — в «*Gazette de France*» от 21 ноября 1834 г. (см.: *Stasik F. Adam Gurowski*. S. 140) — не имеет ничего общего с «Замечаниями».

⁷ См.: *Stasik F. Adam Gurowski*. S. 148–149.

⁸ *Esclavonie* — область в Хорватии (B. M., A. O.).

[II] Все, кто читал Мальте-Брена, знали и до графа Гуровского, что народы Европы говорят в большинстве своем на различных славянских диалектах, однако у диалектов этих не больше общего, нежели у итальянского, испанского, португальского и французского — языков, берущих начало из одного и того же наречия, но с давних пор не совпадающих ни в чем, кроме некоторых корней, их родство обличающих. Каждый получил затем свое особое развитие, на каждом создана своя литература, и каждый постепенно удалился даже от самых близких языков-братьев. Посему понять Тасса и Камозенса, Лопе де Вегу и Расина можно, лишь изучив до тонкостей язык, на котором писал каждый из них, хотя все они и принадлежат к культуре латинской.

Будь сумасбродная идея формировать государства по языкам хоть сколько-нибудь реальной, наиболее удобны были бы для сей цели страны латинские: Италия, Франция, Бельгия, Испания и Португалия составили бы единое целое, которое граф Гуровский нарек бы, вероятно, Латинией. Мы, однако же, не знаем ни единого государственного мужа, которому могла бы взбрести в голову мысль столь нелепая. Объединение же славонцев, о коем толкует граф Гуровский, представляло бы еще дополнительное неудобство, связанное с чересполосицей территорий, каким не грозило бы объединение латинцев: ведь создавая Славонию, пришлось бы из Польши исключить Силезию, где говорят по-немецки, но зато присоединить Богемию и Лузацию⁹, где в ходу диалект славонский. Затем пришлось бы выключить Молдавию и Валахию, где говорят по-ромейски, и Боснию, где в употреблении язык турецкий, и лишь после этого добраться до берегов Адриатики, где говорят на чисто славонском языке. Трудно даже вообразить себе, что в наши дни, когда всякий ежедневно усваивает некоторые сведения и, следовательно, обладает некоторыми познаниями географическими, можно предаваться подобным мечтаниям, да еще утверждать, что отсюда воспоследует польза для Европы. Не знаем, как бы отблагодарила сочинителя сей брошюры Австрия, которую дипломатические его спекуляции лишили бы, с одной стороны, Богемии и Хорватии, а равно и большей части Венгрии, — коими недостойна была бы владеть страна, чье правительство не имеет счастья говорить по-славянски, — а с другой, всех немецких территорий, кои, по разумению Гуровского, следовало бы отдать на откуп прусской философии, ибо Пруссия есть средоточие мира тевтонского. Но зато мы убеждены, что такой порядок не пришелся бы по нраву

---

⁹ Lusace (нем. Lausitz) — область в средней Германии, с древнейших времен населенная славянским племенем — лужичанами. С 1815 г. большая часть этой территории входила в состав Пруссии. (В. М., А. О.).

России и что воссоединение со славянами не показалось бы ей достаточным вознаграждением за утрату Эстонии, Ливонии, Курляндии, Финляндии и Санкт-Петербурга, а также Казани, Оренбурга и Астрахани, где говорят по-татарски. Жаль, что, толкуя о том, как станет он перекраивать карту Европы самым чудесным образом, не намекнул нам граф Гуровский хоть в примечании, следует ли Англии расстаться с графством Уэльским, где говорят по-кельтски, и не надобно ли, чего доброго, соединить Уэльс с горами Шотландскими, Северной Ирландией и французской Бретанью.

Петр Великий иначе думал, нежели граф Гуровский, ибо в течение всей своей долгой и величавой жизни, полной предприятий и побед, никакого не обращал внимания на сходство языков, отчего и сделал театром своих свершений берега балтийские, черноморские и каспийские.

[III] Не будь тема брошюры графа Гуровского столь важной, ни за что не стали бы мы обсуждать безумные идеи, которые ни один государственный муж не принял и не примет никогда всерьез; впрочем, в брошюре сей имеется и еще одно заблуждение, кое повторяет он вслед за клеветниками России [*détracteurs de la Russie*]. Решительно неверно, что российским государям прибавляет силы и влияния главенство монархии над церковью, ибо со времен Алексея Михайловича выказывали русские государи довольно мудрости, чтобы главенством этим не пользоваться. Синод управляет православной церковью совершенно независимым образом, и мы сильно удивимся, если сумеет граф Гуровский указать нам, начиная со времен патриарха Никона, хоть один пример вмешательства исполнительной власти в дела церковные. Не говорим мы в сем случае об отнятии земель монастырских, ибо и католические государи также часто позволяли себе подобное, с той лишь разницей, что они задним числом просили на это папского разрешения, в коем папы им никогда не отказывали. [IV] Таким же преувеличенным — чтобы не сказать бессмысленным — звучит утверждение, что единение этих двух властей необходимо для политической мощи государства, ибо согласиться с этим значило бы признать, что Карл V, Филипп II, Людовик XIV и Наполеон, таковой двуединой властью не обладавшие, не имели, следственно, довольно сил для своих завоеваний.

[V] Если две основные теории, кои развивает в своей брошюре граф Гуровский, не кажутся нам верными, мы не можем не признать, что плачевные следствия анархии, царившие прежде в Польше, описывает он весьма правдиво; впрочем, в Европе бедственное это положение давно известно, и лучшие умы так давно об нем толкуют, что наблюдения графа Гуровского на сей счет решительно не обладают прелестью

новизны. Упрекает он также соотечественников своих в том, что никогда не случилось им ничего изобрести и всегда и во всем ограничивались они подражаниями; упреки эти, по нашему мнению, вовсе не обоснованы. Самое первое изобретение было делом рук Господних, ибо ни один историк не способен указать время, когда было оно совершено. Все прочие открытия суть не более чем следствия этого изначального изобретения, и если народы Западной Европы опередили в сем отношении все прочие, то лишь благодаря тому, что первыми вступили на путь цивилизации и усовершенствовали общественную свою организацию. Без Галилея и, в особенности, без Торричелли не было бы Ньютона, а без Ньютона не было бы Эйлера и Лагранжа, замыкающих когорту великих математиков. Трудно допустить, чтобы граф Гуровский мог забыть о Копернике. Что же касается до употребления латыни, в чем упрекает он польских авторов последних столетий, то разве не известно ему, что до последнего времени все европейские ученые пользовались лишь одним этим языком?

Указав на заблуждения графа Гуровского, скажем, что искренне желаем автору, чтобы он достиг личной своей цели и чтобы великая нация, в лоно которой он хочет воротиться, простила ему былые прегрешения, приняв в расчет не столько средства, им употребленные, сколько пылкость его желания».

КОММЕНТАРИЙ

(I) Уже начальный пассаж «Замечаний», окрашенный в памфлетные тона, демонстрирует весьма вольное обращение с фактами: они или вовсе игнорируются, или передергиваются. Первый прием пущен в ход при обсуждении основного тезиса и ключевого слова брошюры. Не кто иной, как упоминаемый рецензентом географ-энциклопедист Конрад Мальте-Брен, на которого дана ссылка чуть ниже (см. фрагмент II), регулярно употреблял термин «Славония» для обозначения конгломерата славянских этносов, населявших Европу в конце I тысячелетия н. э.¹⁰; кроме того, Коз-

¹⁰ См.: *Malte-Brun C. Géographie mathématique, physique et politique*. Paris, 1803. Т. 10. P. 68 et suiv.; *Malte-Brun C., Chodzko L., Lelevel J. Tableau de la Pologne ancienne et moderne*. Paris, 1830. Nouv. Ed. Т. 2. P. 238 et suiv. См. у него же пояснение этнонима: «Начиная с VI века и по сегодняшний день, все славонские нации, от Адриатики до Балтики, от Эльбы до Волги, по единодушному согласию называют себя именами, производными от слова “славонцы” [slavons]» (*Malte-Brun C. Précis de la Géographie universelle, ou Description de toutes les parties du monde*. Т. 1. Bruxelles, 1829. P. 148).

ловский, разумеется, не мог не знать, что пророчество Гердера о возрождении величия и единства славянского мира¹¹ получило развитие в целом ряде деклараций, утопий и доктрин. Из многочисленных резонансных волн, идущих от этого заряда, отметим лишь одну.

Инициальным документом панславизма принято считать написанную по-чешски поэму словацкого пастора Яна Коллара «Дочь Славы» («Slávy dcera», 1824)¹², точнее — входящий в ее состав сонет 20. В 1828 г. увидел свет его английский перевод («The Foreign Quarterly Revue». Vol. II), который, в свою очередь, послужил источником для французского перевода, через короткое время опубликованного на страницах «Revue Britannique» (Т. 17). Каждая из этих трансформаций политизировала содержание сонета: если в чешском подлиннике рисовалась аллегорическая фигура «Дочери Славы», вобравшая добродетели всех славянских наций, то во французской версии сонета уже вполне отчетливо звучал призыв к тому, чтобы воссоединение некогда распавшейся «Славонии» произошло при самом ближайшем участии России («cette gigantesque fille de la Slavonie»)¹³. В русском же переводе статьи из «Revue Britannique», в июле 1831 г. появившемся в журнале «Телескоп» (№ 11), сонет Коллара интерпретировался следующим образом:

«Исполинская дочь Славян, могущественная Россия,
<...> когда соединишь ты в одну рукоять эти разметанные
ветви одного корня, когда сольешь в один поток эти расплес-
канные волны одной крови?» —

и по-видимому, к этим строкам восходит метафорическая конструкция в пушкинском стихотворении «Клеветникам России», сочиненном в самом начале сентября 1831 г.:

Славянские ль ручьи сольются в Русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос¹⁴.

¹¹ См.: Гердер И. Г. Идеи к истории философии человечества. М., 1977. С. 471.

¹² См.: Kohn H. Pan-Slavism: Its History and Ideology. 2nd ed. N. Y., 1960. P. 3, 8–10.

¹³ Оригинал и тексты обоих переводов приведены в работе: Зайцева А. А. Ян Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX века // Литература славянских народов. М., 1967. Вып. 8. С. 113–115.

¹⁴ См.: Кауцис А. Ф., Одесский М. П. А. С. Пушкин и Я. Коллар: Из комментария к стихотворению «Клеветникам России» // А. С. Пушкин и мир славянской культуры. <...> М., 2000. С. 192–201.

Козловскому, знакомство которого с брошюрой «На взятие Варшавы» (СПб., 1831) засвидетельствовано документально¹⁵, не составляло труда обнаружить аналогичное высказывание в «Правде о России»:

«Борьба России и Польши связана неразрывно с вопросом об участи народов славонских. Суждено ли им жить в единстве, или же различные национальности должны *прозябать порознь*, не имея общего центра? Вот какой вопрос должно было разрешить; вот на какой вопрос свершившиеся события дали ответ недвусмысленный» (Р. 5).

Игнорируя широкий и разнородный контекст, которому принадлежит брошюра Гуровского, рецензент делает исключение только для проекта, который он связывает с именами «Рылеева, Пестеля и прочих». Однако достаточно вспомнить информацию об «Обществе соединенных славян», содержащуюся в «Донесении Следственной комиссии» от 30 мая 1826 г.:

«Целью общества они полагали соединить общим союзом и единообразным республиканским правлением, но без нарушения независимости каждого, восемь славянских колен, означенных на осмиугольной печати их: Россию, Польшу, Моравию, Далмацию, Кроацию, Венгрию с Трансильванией, Сербию с Молдавией и Валахией...»¹⁶, —

чтобы поймать рецензента на грубой передержке. В его изложении исчезает фундаментальное различие между «злополучными мечтами» о федерации независимых славянских республик и установкой Гуровского на создание могущественной славянской империи под скипетром Николая I¹⁷.

¹⁵ См. в его письме А. И. Тургеневу от 8 марта 1832 г. из Парижа цитату из «Бородинской годовщины», напечатанной вместе с «Клеветникам России»: «Ты, конечно, часто видишь Пушкина, скажи ему, что я один из его больших поклонников и благодарил его сердечно за эти два стиха: И не услышат песнь обиды От лиры русского певца» (РО ИРЛИ. Ф. 309. № 231. Л. 82 об.).

¹⁶ Восстание декабристов: Документы. М., 1980. Т. XVII. С. 42–43. «Донесение», опубликованное 12 июня 1826 г. в «Русском инвалиде», а потом вышедшее отдельными изданиями по-русски и по-французски (Rapport de la commission d'enquête. SPb., 1826), в июле 1826 г. было перепечатано в европейских газетах. Козловский находился в это время в Германии.

¹⁷ Не исключено, что констатация преемственной связи между автором «Правды о России» и вождями Тайного общества кроме того отсылала к конкретному эпизоду из истории недавнего польского восстания. Именно

(II) Отправной точкой для всего этого пассажа служит решительное, хотя и попутное высказывание автора брошюры:

«Польский язык, развиваемый по чужеземному образцу, образованный из латыни, итальянского и французского, обрел от сего сухость и некоторую негибкость, как то случается с телом, принуждаемым принимать последовательно разные формы, меж собою не связанные. Он делался все более и более чуждым слуху славонскому [*aux oreilles slavonnes*], русский же язык, общий для всех жителей Славонии, дает власти, которая на нем изъясняется, еще одно средство сплотить народы, уже связанные узами политическими и религиозными, объединить их всех окончательно и упрочить свое влияние над ними, ведь он — родной язык большей части подданных этой власти» (Р. 35).

Идея языкового союза славян, имевшая к тому времени давнюю историю, трактовалась, в частности, словаком Яном Геркелем в диссертации «*Elementa universalis linguae Slavicae...*» (1826), которая ввела в обиход самый термин «панславизм» (в оригинале «*verus Panslavismus*»): таким образом, здесь характеризовалось стремление славян к «литературному единству»¹⁸. На взгляд Козловского, эта идея не только не имеет под собой оснований (поскольку в современных условиях любой национальный коллектив обладает уникальным языковым и культурным кодом), но и содержит мощный деструктивный потенциал.

Картина гипотетического распада европейских держав на государственные образования, заново формируемые по принципу единого языка, нарисована рецензентом с издевательской наглядностью, но примечательно, что исчисление территориальных владений, намеченных к переделу в рамках этой дистопии, затрагивает, главным образом, интересы России и Австро-Венгрии. Между тем именно тесный альянс с империей Габсбургов служил краеугольным камнем российский внешней политики, и незыблемость существовавших границ в очередной раз была гарантирована незадолго до появления брошюры Гуровского (в 1833 г.) подписанными

Гуровский был организатором демонстрации в память казненных декабристов, прошедшей в Варшаве 25 января 1831 г. под знаменем с надписью на двух языках: «*W imię Boga Za naszą i waszą wolność / Во имя Бога За нашу и вашу волюность*». Он же, согласно некоторым данным, и сочинил эту надпись, которая стала лозунгом конфедератов (см.: *Stasik F. Adam Gurovski. S. 73*).

¹⁸ См.: *Jakobson R. Selected Writings. Berlin a. o., 1985. Vol. VI. P. 61*; *Рокина Г. В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX века. Казань, 2005. С. 76.*

в Мюнхенгреце конвенциями. Да и вообще, в глазах Николая I лютые фантазии на тему «воссоединения славян» выглядели покушением на сложившийся status quo и ассоциировались с призывами к революции. Точка зрения, которой император придерживался на протяжении всего своего царствования, с наибольшей отчетливостью выражена в его помете, сделанной на полях объяснения, представленного Иваном Аксаковым в марте 1849 г.:

«<...> под видом участия к мнимому утеснению Славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают не от Божьего произволения, а от возмущения, гибельного для России!»¹⁹

Козловский вскользь касается и того конструкта, который возникает одновременно с панславизмом — и по аналогичной модели. Саркастическое замечание рецензента о том, что по логике Гуровского «все немецкие территории» должны отойти Пруссии как «средоточию мира тевтонского», опирается на следующее место в брошюре:

«Сегодня, по всей видимости, Пруссия предназначена стать той могущественной точкой притяжения, которая необходима, чтобы положить конец раздробленности Германии. <...> Действия администрации, воодушевляемой истинным стремлением к лучшему и впитывающей все новшества умственные, исходят из самых мудрых принципов; она учитывает интересы малых государств, Пруссию окружающих, примиряет их интересы со своими, смешивает их в единое целое. <...> Не думаю, что сильно ошибусь, если скажу, что в скором времени она сделается Пруссией-Германией и объединит Германию в политическом отношении, как уже объединила ее в отношении умственном» (Р. 10–12).

Речь идет о доктрине пангерманизма, которая в самом ближайшем будущем²⁰ противопоставила себя угрозе панславизма и приняла русофобский характер. В этой связи обратим внимание на фразу, открывающую этот фрагмент: «Все, кто читал Мальте-Брена, знали <...>, что народы Европы говорят в большинстве своем на различных славянских диалектах». Подобной формулировки нет у Мальте-Брена, зато она перекликается с декларациями первых глашатаев славянской взаимности — и, в частности, Коллара:

¹⁹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. I. Т. 2. С. 154–155.

²⁰ См.: *Осповат А. Л.* Элементы политической мифологии Тютчева // Тютчевский сборник. II. Тарту, 1999. С. 233–234, 243–244.

«Славяне подсчитали и установили, что они в Европе многочисленнее всех»²¹.

О реакции германской аудитории, вызванной подобными заявлениями, можно судить хотя бы по остроте Генриха Гейне, нашедшей себе место в его рецензии на книгу В. Менцеля о немецкой литературе (1828):

«...творения Гете <...> будут жить даже тогда, когда немецкий язык давно уже станет мертвым, а кнутом иссеченная Германия [das geknutete Deutschland] будет говорить на славянском наречии»²².

(III) Главным объектом полемики в данном фрагменте является следующая фраза Гуровского:

«Вдобавок ко множеству преимуществ, которые обеспечивали ей нераздельное единство власти, Россия обладала еще одним, могущественнейшим из всех: она подчинялась одной и той же духовной и земной власти, а это предупреждает любые расколы, препятствует возникновению государства в государстве и выводит державу из-под иностранного владычества».

К этому месту сделано подстрочное примечание:

«Со времен Петра Великого греко-славонскую церковь [église gréco-slavonne] возглавляет император» (Р. 34).

Риторическая энергия, с которой Козловский восстает против этого очевидного факта, выглядит тем более нарочитой, что как раз отсылка (причем двукратная!) к «временам» царя Алексея Михайловича и патриарха Никона обнаруживает полную несостоятельность заявленной им позиции. Здесь достаточно привести суждение митрополита Макария (Булгакова) из его «Истории русской церкви», изданной в 1857–1883 гг. Характеризуя позицию двух архиереев, отказавшихся подписать приговор о низложении Никона (1667), он высказался без обиняков:

«Русские архиереи поняли, что здесь несправедливо унижена патриаршая власть пред царскою, что если царь один есть владыка во всякой вещи благоугодной, а патриарх дол-

²¹ Цит. по: *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964. С. 36.

²² *Гейне Г.* Собр. соч.: В 10 т. [Л.], 1958. Т. 5. С. 149.

жен быть ему послушлив, то последний должен подчиняться царю и во всех вещах или делах духовных и церковных, что через это отнимается всякая самостоятельность у русской церкви и ее правительства и церковь совершенно порабощается государству...»²³

Наперекор мнению, циркулировавшему в той среде, к которой по воспитанию и связям принадлежал Козловский: «Петр объявил себя Главою Церкви, уничтожив Патриаршество как опасное для самодержавия неограниченного»²⁴, — и общепринятому в Европе: «Бонапарт не раз признавался, что хотел бы управлять странюю, где монарх, как в Англии и в России, является и главою церкви»²⁵, — автор «Замечаний» интерпретирует синодальный период русской истории под знаком симфонии между «царством» и «священством». Впрочем, и в этом месте он как бы невзначай подрывает свою позицию — напоминая о секуляризации монастырских владений (произведенной во исполнение Манифеста от 26 февраля 1764 г.), т. е. об уничтожении экономической базы и финансовой независимости православной церкви.

Итак, в текст «Замечаний» вклинивается фрагмент, в котором объявленный тезис успешно опровергается доводами, привлеченными якобы для его обоснования. Эта игра приоткрывает истинные воззрения автора, сформулированные в его наброске 1820-х гг. «*Essai de l'histoire de la Russie*»:

«<...> в России независимости не больше, чем в Турции; здесь возможны либо абсолютное подчинение и рабская угодливость, либо преступное возмущение <...>. Мы отвечаем <...> патриотам, которые, имея столь же подлый вид, сколь и подлые чувства, повторяют: “Я русский и люблю все русское”, — и обращают эти слова против всех, кто имеет несчастье осудить вещи, достойные ужаса или презренья, — мы отвечаем им, что настоящий патриот желает добра своей стране и воздерживается от презренной лестии...»²⁶

²³ Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. СПб., 1883. Т. XII. С. 754.

²⁴ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 29.

²⁵ Staël G. de. Considérations sur la Révolution française. Paris, 1983. P. 374. Ср. в черновике пушкинского письма Чаадаеву от 19 октября 1836 г.: «NB: Наполеон сказал Александру: Вы сами у себя поп; это не так глупо [...vous êtes *pope* chez vous; ce n'est pas si bête]» (Пушкин. Письма последних лет: 1834–1837. Л., 1969. С. 197).

²⁶ Мильчина В. А., Осповат А. Л. Из наследия П. Б. Козловского // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Федора Ивановича Тютчева. Таллинн, 1990. С. 306.

(IV) Здесь полемика возвращается в прежнее русло. Нейтральная фраза:

«Политическая и религиозная власть, соединенные в одном лице, составляют источник силы государства и полностью осуществляют идею политического единства» (Р. 34) —

произвольно истолкована в том смысле, что только данная конструкция обеспечивает «политическую мощь» той или иной державы. В этой связи Козловский ссылается на примеры тех монархов-завоевателей (императора Священной Римской империи Карла V, испанского короля Филиппа II, французского короля Людовика XIV и Наполеона), которые, конфликтуя с папской властью, не покушались на все ее прерогативы. То обстоятельство, что начиная с 1534 г., вследствие Акта о супрематии, британские монархи имели статус Верховного главы англиканской церкви, Козловский благо-разумно обходит молчанием — во избежание напрашивающейся аналогии с положением дел в России (см. свидетельство г-жи де Сталь, приведенное в комментарии к фрагменту III).

(V) Этот фрагмент имеет более примирительный характер. На взгляд автора брошюры, анархия, долгое время царившая в Польше, имела пагубные для страны последствия (*La vérité sur la Russie*. Р. 25 et suiv.), и рецензент согласен с этим выводом, хотя не упускает отметить его вполне тривиальный характер²⁷.

Тезис Гуровского об отсталости польского ума:

«Национальный характер развивался в основном за счет подражания, и свойство это проявлялось во всех областях жизни. Все, на чем зиждется жизненное благополучие, приходило из-за границы. Другие страны преобразали и вырабатывали собственную цивилизацию, Польша оставалась подражательницей, не умея ни создавать своего, ни сообщить заимствованиям национальный *отпечаток*» (Р. 25–26) —

Козловский парирует успокоительным рассуждением о принципиальной невозможности установить приоритет открытий в любой сфере, поскольку все они складываются в цепочку, восходящую в конечном счете к божественному промыслу. Упомянутые в этом контексте имена великих физиков и математиков (в том числе и родившегося в польской Торуне Николауса Коперника) были из-

²⁷ Обзор суждений на этот счет, высказанных к началу XIX в., см: *Вульф А. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения* / Пер. И. Федюкина. М., 2003. С. 351–420.

вестны Козловскому не понаслышке — знаток точных наук, он в 1836–1837 гг. опубликовал в «Современнике» серию статей, в которых «с умом чрезвычайно ясным <...> соединил искусство <...> писать о самых сложных и затруднительных предметах просто, определенительно и притом живописно»²⁸.

Не оставлен без внимания и еще один упрек Гуровского в адрес своих соотечественников:

«Многие поляки вообще отдавали предпочтение латыни перед их национальным языком, который обретал от этого вид чужеземный и удалялся все сильнее от славянского братства, которому русский язык остался верен вполне» (Р. 35).

Пристрастие к латыни отличало Козловского с ранних лет²⁹, но в данном случае, констатируя ее сложившийся в веках статус как международного языка науки, он, возможно, намекал и на диссертацию Яна Геркеля об «истинном панславизме», написанную на латыни.

В заключение — лишний раз укорив Гуровского в приверженности ложной идее — рецензент желает ему получить прощение. Надежда на такой исход была выражена и в конце брошюры:

«Я не имею силы оставаться в одиночестве; мне потребна опора, поддержка, защита. Дать все это мне может только государство. Напрасно стал бы я искать все это вдали от тех пределов, где мне суждено было появиться на свет» (Р. 80)³⁰.

---

²⁸ Отзыв В. Ф. Одоевского цит. по: *Френкель В. Я.* Петр Борисович Козловский: 1783–1840. Л., 1978. С. 99. Там же (С. 60–106) дан подробный комментарий к этим статьям.

²⁹ См.: *Козловский П. Б.* Социальная диорама Парижа. С. 115–116 (примеч. 4).

³⁰ Судьба Гуровского действительно радикально переменилась. Почти десять лет (1835–1844) он провел в Российской империи, но, хотя его следующая книга «Цивилизация в России» («La civilisation et la Russie», 1840) получила высокую оценку Николая I и графа Бенкендорфа, интеллектуальные и карьерные амбиции автора остались неудовлетворенными. Гуровский начал тяготиться чиновничьей службой, безуспешно испрашивал заграничный паспорт, а затем бежал из страны. Идею панславизма, постоянно ее обновляя и корректируя, он развивал и в Европе, и в Северной Америке, куда перебрался в 1849 г.; в книгах «Россия как она есть» («Russia as It Is», 1854) и «Америка и Европа» («America and Europe», 1857) мессианские роли были назначены двум самым большим державам обоих континентов.

***

Выступая в качестве оценщика «Правды о России» (по просьбе или по поручению Паскевича), Козловский не мог не ощущать дискомфорт: демарш Гуровского невольно выставлял в кривом зеркале мотивы только что состоявшегося возвращения отставного дипломата. Наличием такой биографической подоплеки объясняются, по-видимому, экзальтированный тон и рассогласованность текста «Замечаний». С одной стороны, Козловский вменяет оппоненту идейную связь с государственными преступниками (фрагмент I), а с другой — разыгрывает интеллектуальную буффонаду, в ходе которой объект насмешки нечувствительно перемещается с «клеветников России» на ее защитников (фрагмент III).